

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

ТЕРРОРИЗМ КАК ВОЙНА «ПОД УСЛОВИЕМ»¹

TERRORISM AS A WAR "UNDER CONDITION"

А.В. Артюх, С.Н. Борисов
A.V. Artyuch, S.N. Borisov

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7
Belgorod state Institute of arts and culture, 7 Korolev St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: snborisov31@gmail.com

Ключевые слова: война, терроризм, насилие, партизан, политика.

Key words: war, terrorism, violence, partisan politics.

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения войны и терроризма. Война и терроризм рассматриваются как формы насилия, родственные и противостоящие друг другу по ряду параметров. Проводится сравнение терроризма и партизанской войны.

Resume. The problem of the relation of war and terrorism. War and terrorism are considered as a form of violence, family and opposing a number of parameters. A comparison of terrorism and guerrilla warfare.

Сравнение терроризма с войной некогда не вполне явное в настоящее время приобретает не только четкие очертания, но, как нам кажется, раскрывает некоторые аспекты самого терроризма. Даже в первом приближении война в ее стандартном понимании как вооруженное противостояние стран с участием только комбатантов, уже не вполне соответствует реальности, в которой противостояние стран побольшей части разворачивается в так называемых малых формах войны и противостоянии нерегулярных военных образований. Нередко это происходит на территории третьих стран, которые уже начиная с эпохи модерна стали территорией войны. Эта же территория является пространством возникновения и реализации терроризма. Причем мы можем здесь проследить связь войны и терроризма не только с ближайшего времени противостояния сверхдержав в XX веке на территории Афганистана, положившему начало современному международному терроризму с исламско-фундаменталистским идеологическим основанием. Несколько ранее схожие процессы соединения войны и терроризма происходят в результате национально-освободительного движения, череды событий названных войнами в начале того же XX века в северной Африке (Алжир, Марокко), Кипре, Палестине, Юго-восточной Азии (Вьетнам, Корея). Это далеко не полный перечень, который мы приводим не столько с той целью, чтобы перечислить все возникшие в истории связи войны и терроризма, сколько как иллюстрацию нашего тезиса об имплицитно существующей связи войны и терроризма.

Впрочем, некоторые исследователи рассматривают эти процессы как деградацию самой войны, настаивая на том, что она обусловлена внутренней динамикой войны как технического действия. Несмотря на нашу позицию, которая противоположна этой точке зрения, можно согласиться с тем бесспорным фактом, что война в век атомного оружия претерпела свои изменения. В целом война находится в зависимости от техники и технологий, однако, в условиях ядерного паритета и конвенций о нераспространении атомного оружия мы приходим к стандартной ситуации равновесия или баланса ядерных сил, открывающих возможности противоборства другими средствами или имеем ситуацию «как бы» до ядерного противостояния. По аналогии «счастья под условием» (С. Жижек), мы сталкиваемся с войной под условием. Условием мы считаем как раз наличие ядерного оружия в ситуации его неприменения. Именно о наличии такой ситуации говорит мировая практика, которая также знает ситуации угрозы применения ядерного оружия. Пример Северной Кореи, Ирана или Паки-

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-31010 и при финансовом содействии Департамента внутренней и кадровой политики Белгородской области (Договор № 7-ВН от 03.08.2015 г.)

стана некоторым образом намечает связь с проблемой терроризма, но скорее в ее спекулятивно-политическом ключе, бесплодном в плане научной критики. Более адекватным нашим задачам будет обращение к войне в ее сущностном плане как феномена политического, феномена в котором актуализируется противоречие между легитимностью и преступностью, дозволенным и запретным, насилием, обусловленным политическими, религиозными, национальными и иными причинами. Такие формы войны как национально-освободительная, гражданская война тесно связаны с терроризмом и нередко не различаются.

С указанных позиций наш анализ следует начинать с обращения к теории войны именно в указанных аспектах проблематизации ее определенности в качестве таковой, по крайней мере, ее классических определений эпохи модерна. Нас будет интересовать метаморфоза таких сложных форм войны, которые изложены Карлом Шмиттом в работе «Теория партизана». Партизан как иррегулярный боец с регулярной армией обращает наше внимание на проблему войны как регулярного действия. Проследивая историю регулярных военных образований со времени Великой Французской буржуазной революции, К. Шмитт, выделяет партизана как оппонента регулярности. Партизан и иррегулярность военного противостояния проявлялась в периоды «разложения», которыми предстает Тридцатилетняя война (1618-1648), гражданские и колониальные войны [Шмитт, 11]. Шмитт оставляет в стороне это утверждение, не рассматривая его подробно и только позднее в беседе с Иоакимом Шикелем возвращается к нему как вопросу о соотношении бедности и партизанства. Оставаясь на той же позиции, которую занимает сам Шмитт, можно продолжить, что война и есть кризис политического, отсутствие возможностей разрешить проблему мирными средствами. Но партизан появляется в тот момент, когда уже внутри самой войны как некоторого организованного процесса возникает кризис. С этой точки зрения партизанство и терроризм близки, а сам терроризм часто действительно есть кризис традиционных методов ведения войны или их невозможность. Шмитт не останавливается на колониальных войнах, поскольку они дают мало оснований для иллюстрации самого партизана, но в отношении связи войны и терроризма они очень показательны. Война вне европейского континента часто ведется не по правилам и конвенциям или, как пишет Шмитт, не «оберегается».

Возвращаясь к Шмитту, отметим, что он сам довольно близко подходит к тому, чтобы рассматривать терроризм, называя его партизанством. Упоминания об «ужаснейших жестокостях» со стороны испанцев партизан и регулярной армии французов (испанская герилья 1808г.), гражданской войны в Вандее, борьбы колонизаторов с аборигенами косвенно указывают на это [Шмитт, 12-20], а далее Шмитт прямо об этом пишет: «Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвратился от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в сферу иной, настоящей вражды, которая возрастает на пути террора и ответного террора вплоть до истребления» [Шмитт, 21]. В этом положении кратко изложена суть концепции партизана К. Шмитта. Партизанская война сближается с такими специфическими формами войны как гражданская война и колониальная война, которые не только маргинальны по отношению к традиционной войне («оберегаемой» войне), но маргинальны также пространственно, поскольку вытеснены из европейского пространства.

Отметим несколько основополагающих тезисов Шмитта. Прежде всего, следует отличать войну «оберегаемую» и партизанскую войну, которые имеют под собой разное основание в виде вражды традиционной, Шмитт пишет о «прирученной» вражде, заключенной в строгие рамки конвенций и правил, носящей игровой характер и настоящей вражды. Настоящая вражда свойственна партизану и выражается в терроре. Также в ответ на террор партизанский возможен и ответный террор со стороны регулярной армии. Здесь Шмитт отмечает не столько обратимость террора, сколько противостояние регулярной и иррегулярной силы. Партизан также как и террорист является иррегулярным бойцом, для которого человек в форме является мишенью [Шмитт, 26-27]. Другой характеристикой партизана Шмитт признает его политический характер, о котором он пишет следующее: «В качестве дальнейшего признака сегодня напрашивается интенсивная политическая вовлеченность, которая отличает партизана от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение» [Шмитт, 27]. Как отмечает Шмитт, на политический характер партизана указывает уже этимология слова «партизан», происходящего от слова партия. В контексте революционных ситуаций, когда партия интенсивно ведет борьбу за власть вооруженными методами связь между партизаном, партией и террором становится более очевидной, чем в мирное время. В этом аспекте теория партизана как противостояния регулярного – иррегулярного дополняется противостоянием легитимного – нелегитимного.

Следующей характеристикой, которую выделяет К. Шмитт, является мобильность партизана, в которой он связан с техникой. Последнее особенно говорит в пользу идеи Шмитта о зависимости партизана от регулярных образований. Партизан, также как и террорист не самодостаточен. Он вынужден

сотрудничать с регулярными образованиями, по причине зависимости от поставок техники, медикаментов, оружия и другого. Но также помимо этого материального аспекта он нуждается в признании. Идеи Шмитта здесь согласуются с идеями Кожева о борьбе за признание. Если у Кожева господин и раб находятся в постоянной борьбе за признание, то у Шмитта партизан должен сохранять свой политический характер, чтобы не стать преступником. В отношении террориста это также справедливо. Чтобы не стать преступником или чтобы его не определила в качестве такового противоборствующая сторона, террорист вынужден обращаться за признанием в другой стороне, которая его признает и поддержит. В настоящем мире, который является миром масс-медиа, признание во многом зависит от доступа к последним, от того, насколько представлена информация о событии в мировых СМИ. Политическая интенсивность не только должна быть такой на самом деле, но и в мире медиа.

Четвертым и заключительным признаком партизана, который выделяет Шмитт, является его теллурический характер. Партизан неразрывно связан с той территорией, на которой он обитает и которую защищает. В этом отношении он противоположен универсальным фигурам типа революционера и даже входит в противоречие с техникой, которую он вынужден использовать в борьбе с захватчиками. Отсюда также его борьба носит оборонительный характер и не выходит за пределы строго определенной территории его обитания. Партизан для Шмитта привязан к земле и противопоставит морю: «... партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Цзедун, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остается вполне актуальной. Партизан остается отделенным не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделенными земля и море как различные стихийные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море не только имеют различные способы ведения войны и различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях» [Шмитт, 36]. Но даже вне развиваемого Шмиттом представления о противостоянии земли и моря, а точнее рядом с ним существует актуальный смысл партизана как черпающего свою легитимность в почве или собственном народе.

В другой своей работе, «Номос земли», Шмитт развивает и обосновывает эту идею. Поскольку земля есть единственная субстанция способная сохранять границы, только она является первичным источником права. Вода лишена такого свойства и потому первые правовые системы рождаются как закрепление собственности на землю, ее разграничение и из необходимости сохранения установленных границ. Номос определяется Шмиттом следующим образом: «Номос – это мера, в соответствии с определенным порядком делящая поверхность Земли и ее локализирующая, а также заданная этой мерой форма политического, социального, религиозного порядка. В акте захвата земли, в основании города или колонии становится зримым тот номос, руководствуясь которым делается оседлым, т.е. привязывается к определенной местности тот или иной народ, племя или отдельная группа, а определенный участок земли становится своего рода силовым полем устанавливающегося порядка» [Шмитт, 52]. Поэтому партизан немислим вне номоса, земли и народа, которые легитимируют его действия. Несмотря на то, что технический прогресс, рост мобильности ставит под вопрос эту характеристику партизана, Шмитт настаивает на ней.

В отношении же террориста эта характеристика выглядит очень проблематично. Террорист может соответствовать этому критерию только в той мере, в которой он соотносится с национально-освободительными движениями и действительно является партизаном. Партизана в таком случае в нем больше, чем террориста. Скорее партизан может брать на вооружение методы террористической борьбы. Шмитт не упоминает в своем анализе известный случай, поскольку работа «Теория партизана» была издана в 1963 году, а активная деятельность Фракции Красной Армии и группы Баадер-Майнхоф осуществлялась позднее, с 1968 по 1972. Наше обращение к истории Фракции Красной Армии обоснованно уже в той мере, в которой участники этого образования называли себя городскими партизанами, а властями определялись как террористы. При этом за довольно короткое время они прошли путь от группы активных участников левого студенческого движения до террористической организации и соответственно от поддержки части населения, студенчества разделявшего левую идеологию, до изоляции [См. Майнхоф, 2004]. Среди причин изоляции можно назвать очевидные насилие и террор, но также саму идеологию Фракции Красной Армии. Уже исходя из «Концепции городской герильи», в которой группа определяла свои цели и задачи, они в большей мере могут быть определены как революционеры. Так, например, в этом тексте мы находим следующее: «Городская герилья означает вооруженную борьбу, так как именно полиция неразборчиво использует оружие, усиливая дискриминацию и оправдывая классовое неравенство, хоронит заживо наших товарищей. Быть городским партизаном значит не позволять жестокости системы деморализовать себя. Цель городского революционера – атаковать государственный аппарат контроля в определенных местах, чтобы вывести его из строя, разрушить миф о вездесущности системы и ее неуязвимости» [Том Вэйг,

32]. Революционеры с претензиями на глобальное изменение мира, которого по объективным причинам произойти не могло и даже в локальном масштабе Германии шестидесятых, семидесятых годов XX века были обречены на провал, а значит признание их не только нелегитимными, но лишенными политической интенсивности через ее отрицание. Криминализация терроризма как стратегия борьбы с ним отражает общую суть партизана и террориста, однако их различие кроется в теллурическом характере, который у террориста отсутствует.

Иными словами террорист не укоренен в земле подобно партизану. Его «почва» должна быть иной природы. Сам Шмитт в анализе партизана движется в этом же направлении через понятие политического. Он прочерчивает линию от Клаузевица к Ленину как последовательную деградацию концепции войны как продолжения политики с сохранением «охраняемой» войны между государствами по установленным правилам. В XX веке ситуация кардинально меняется в связи с массовым революционным движением, которое заменяет борьбу между государствами. Революционная борьба уже не является кодифицированной враждой, а враждой настоящей – «абсолютной враждой» не признающей ограничений: «То, чему Ленин мог научиться у Клаузевица и что он основательно выучил, вовсе не сводится к знаменитой формуле о войне как о продолжении политики. Дальнейшее познание состоит в том, что различие друга и врага в эпоху революции является первичным и первенствующим и определяет как войну, так и политику. Для Ленина только революционная война является подлинной войной, поскольку она происходит из абсолютной вражды. Все остальное – условная игра» [Шмитт, 80-81]. И все это в полной мере справедливо в отношении террориста. Подлинная вражда по отношению к врагу ставит под вопрос как саму легитимность, так и социальный порядок в общем. Конфликт порядков образует старое понятие войны государств, а новое состояние реализуется вне игрового характера, в пространстве «борьбы не на жизнь, а на смерть», абсолютной вражды.

Используя концепт Шмитта «абсолютная вражда» стоит обратить внимание на то, что главной его квантор можно определить как отсутствие ограничений в действии, отсутствие конвенций по использованию насилия, которые есть в случае «охраняемой» войны. Такой можно считать большинство концепций войны и даже довольно ранние из них. Примером такого оберегания в европейском правовом и этическом пространстве могут служить различные конвенции, среди которых актуальная сегодня Женевская конвенция, которая регулирует правила ведения войны и ограничивает ее действиями по отношению к комбатантам [Нравственные ограничения войны..., 39]. Заметим, что статус партизана, как и террориста, в отношении регламента войны представляется двойственным. Распространяется ли на него регламент мирного населения, поскольку он не носит униформу, или же комбатанта. Сегодня эта дилемма довольно остро обсуждается в связи с терроризмом и содержанием террористов в нелегальных тюрьмах США. Даже при сохранении политической интенсивности, признании за террористом претензий на политический характер борьбы, вопрос об этическом статусе остается.

На практике мы видим только правовые ухищрения, поскольку этического решения проблемы пока не найдено. Попытки террористов и незаконное содержание лиц, подозреваемых в терроризме, осуществляется тайно или на территории тех стран, которое находятся вне конвенционального поля, запрещающего это делать. Вместе с тем, дискуссии по поводу допустимости пыток по отношению к террористам достаточно актуальны, поскольку отражают неясный и сложный характер самого террориста, который не является комбатантом, а также с самой легитимностью соотносится сложным образом. Он ее отрицает, но с ней соотносится, поскольку нуждается в признании. Также и в этическом отношении пытки по отношению к террористам не приемлемы с гуманистической точки зрения, но в столкновении с практикой эта позиция становится проблемой, поскольку в реальной ситуации предполагаемого теракта пытки могут быть необходимы. Такую ситуацию в качестве основополагающей рассматривает так называемая парадигма «бомбы замедленного действия», в рамках которой обосновывается необходимость применения пыток в качестве исключения в чрезвычайной ситуации [Терещенко, 120]. Причем такое исключение, как бы оно не обосновывалось с точки зрения чрезвычайности, создает исключение, разрушающее фундаментальные правовые и моральные основания всего политического строя демократических государств.

В концепции Шмитта сделан акцент на изменении субъектов борьбы при переходе от вражды государств к вражде партий. А также изменении характера самой борьбы или вражды от игрового ее характера к абсолютному. Поскольку эти изменения взаимосвязаны, современность характеризуется абсолютной враждой, то есть террором, но также враждой на уровне партий. Партии приходят на смену государству, сохраняя политический характер, который в понимании Шмитта сводится к довольно широкому определению разграничения друга и врага. Но даже на интуитивном уровне современный терроризм есть действительно вражда партий и государства или партий с самими партиями. Причем партии можно понимать также довольно широко и даже в духе самого Шмитта. Современный терроризм раскрывается как «абсолютная вражда» или использование политически мотивиро-

ванного насилия квазигосударственными структурами или трансгосударственными образованиями. Подчас единственный критерий их структуризации идеологический, то есть действительно разделение по признаку «свой» – «чужой» на основе принятия какой-либо идеи. Но только такой идеи, которая носит абсолютный характер и порождает абсолютную вражду.

Остается еще один параметр партизана и присущей ему формы войны – пространство. Карл Шмитт рассматривает партизанскую войну в сравнении с традиционной войной регулярных войск, которые осуществляются на суше и на море, отдавая предпочтение первому. В любом случае регулярность военных формирований и публичность их действий, что находит подтверждение в униформе как обязательном атрибуте военного, позволяет охарактеризовать это пространство как открытое. Партизан же сражается тайно, не имеет знаков отличий или униформы, чем создает новое измерение войны: «В партизанской борьбе возникает сложно структурированное новое пространство действия, поскольку партизан борется не на открытом поле сражения и не в той же плоскости открытой войны с фронтами. Он, скорее, заставляет вступить своего врага в другое пространство. Так он добавляет к поверхности регулярного, обычного театра военных действий другое, более темное измерение, измерение глубины» [Шмитт, 107]. Причем дело не только в технике, которую партизан использует. Шмитт отмечает тот факт, что она также оказывает влияние на пространство войны, что видно на примере добавления к традиционным поверхностям земли и воды подводного пространства, а в современности также космического. В большей мере Шмитт указывает на сам характер действий партизана, в котором он опять сближается с террористом. В этом аспекте он близок к партизану своим иррегулярным характером и пространством действия. И даже более радикально с ним соотносится, чем партизан. Если партизан ограничивает свои действия борьбой с регулярными силами противника, то террорист идет дальше в деле абсолютной вражды и распространяет борьбу на мирное население. Даже в большей степени на некомбатантов, которые становятся жертвами терроризма гораздо чаще.

Если партизан в этой характеристике связывается Шмиттом с землей, своим теллургическим характером, то террорист не может таковым считаться. Вопрос состоит в том, как охарактеризовать террористическое пространство борьбы по аналогии с партизаном. Оно не является глубиной в смысле шмиттовского его понимания и не связывает с землей. Земля как почва, понимаемая также как пространство жизни, характеризует партизана как действующего на своей территории, родной земле. Уже в этих смыслах террорист к земле не привязан и действует как номад. Его пространство, по крайней мере, это верно в отношении современного глобального терроризма, детерриторизировано. Пример Афганистана, по нашему мнению, будет достаточно показателен, поскольку партизанская борьба с советскими войсками переросла в террористическую борьбу, утратившую свой освободительный смысл. Движение Талибан и международная террористическая организация Аль-Каеда носят подчеркнутый интернациональный или глобальный характер. Владимир Никитаев определяет пространственное положение терроризма через концепт экстерриториальности, настаивая на том, что новое пространство носит характер принципиальной инаковости [Шмитт, 107]. По мнению В.В. Никитаева смысловая «непроницаемость» таких миров друг для друга объясняет те затруднения в интерпретации террористических актов, которые произошли 11 сентября 2001 года и даже шире, в объяснении исламского терроризма в целом.

Такая версия пространственного измерения терроризма утверждает принципиальное различие культур или социокультурных миров, подобных замкнутым самодостаточным монадам. Конечно, К. Шмитт в своих определениях партизанской войны опирается на опыт европейских войн. Эпоха глобального терроризма наступила позже. Однако, на наш взгляд, концепция В.В. Никитаева в объяснении терроризма не учитывает несколько моментов. Прежде всего, сам глобальный характер терроризма. Современный терроризм действительно экстерриториален или безразличен к территории борьбы. Но это не территория принципиально разных миров непроницаемых друг для друга. Современный мир глобален и пронцаем. Тем более что борьба между принципиально разными, инаковыми субъектами бытия только по причине их тотального различия выглядит мало вероятной. Скорее борьба разворачивается между схожими субъектами, стремящимися утвердить свою инаковость, которой угрожают реально или иллюзорно. История мировой культуры знает немало именно таких примеров. Тем более, что в это объяснение не вписывается автохтонный европейский терроризм, если использовать критерий социокультурный. В таком случае культурная общность и единство пространства-времени, смысла, ценностей ставит терроризм под вопрос как действующий из «иной» территории.

Также в отношении терроризма работают и привычные определения политики, через понятие власти фиксирующие отношения господства и подчинения. Нельзя отрицать тот факт, что террористические акты лишены смысла или он трудно находим. Даже на интуитивном уровне проявления терроризма интерпретируются как проявления насилия нелегитимного. В силу этого террорист вступает в пространство насилия, монополией на которое обладает только государство. Шмитт приходит к тому же выводу через понятие публичности: «Общественный строй существует как *res publica*, как

публичность, и он ставится под вопрос, если в нем образуется пространство не-публичности, действительно дезавуирующее эту публичность... Следует лишь до конца продумать эту логику террора и ответного террора и потом перенести ее на любой вид гражданской войны, чтобы увидеть происходящее сегодня разрушение социальных структур. Достаточно небольшого числа террористов, чтобы оказывать давление на большие массы людей. К узкому пространству открытого террора добавляются дальнейшие пространства ненадежности, страха и всеобщего недоверия...» [Шмитт: 111, 113]. «Ландшафт измены» – так определяет К. Шмитт пространство терроризма. Его нельзя назвать лишенным политического. Здесь не работает логика или – или, а устанавливается диалектическая связь публичного и не-публичного, легитимного и нелегитимного, а также террора и ответного террора государства. Таким образом, мы возвращаемся к нашей концепции терроризма как антисистемного феномена. Терроризм соотносится с публичной властью и легитимным насилием как антисистема и система.

Ж. Бодрийяр помещает современный терроризм в пространство медиа. Именно измерение репрезентации характеризует постсовременную форму террора, после того как реальные события, в том числе и в форме войны, были из нее исключены. Такое понимание терроризма ставит политический характер терроризма под сомнение. С точки зрения Бодрийяра в актах терроризма проявляется симулятивный характер политики, которая таковой уже не является, поскольку социальное ее поглотило [Бодрийяр, 2000]. Социальное в своей анонимности массы поглощает всякое различие, а значит, прежде всего, политическое. С этой точки зрения терроризм есть война, которая носит специфический характер самоуничтожения: «Когда государства уже не в состоянии атаковать и уничтожать друг друга, они почти автоматически берутся за свои народы, свои собственные территории; начинается нечто вроде разновидности гражданской войны или междоусобного конфликта между Государством и его естественным референтом. Не это ли, на самом деле, есть предназначение всякого знака, всякого означения и всякого репрезентативного агента – отменить свой естественный референт?» [Baudrillard, 75-80]. В концепции Ж. Бодрийяра показаны сложные отношения терроризма и политики, опосредованные медиа-технологиями. Терроризм в этом случае носит двойственный характер. С одной стороны он не-политичен в том смысле, что политического вообще нет, оно поглощено социальным. С другой стороны, терроризм является имплозией, взрывом социального, а если оно после поглощения политического и есть политическое хоть отчасти, то терроризм политичен. Даже в том его смысле, что он производит симуляцию политического, которого реально с точки зрения Ж. Бодрийяра нет.

Вполне возможно, в той части, в которой терроризм представлен постсекулярному и постмодернистскому сознанию западных интеллектуалов, анализирующих его в категориях сосюрковского противопоставления и независимости означаемого и означающего, Ж. Бодрийяр прав. Однако вне медийного пространства и терроризма взятого только как репрезентация, он имеет еще и реальное пространство не сводимое к пространству симулякров. Это пространство реальной борьбы и разворачивается скорее в категориях гегелевской борьбы не на жизнь, а на смерть. В целом же, Бодрийяр утверждает специфическое пространство терроризма как гомогенное пространство в пароксизме терактов симулирующее различия. Такая точка зрения противоположна мнению В. Никитаева о непроницаемом пространстве абсолютного различия социокультурных миров из которых к нам приходят «чужие». Наша позиция заключается в том, что пространство терроризма схоже с пространством партизанской войны и представляет собой гетерогенность такого рода, которая взаимодействует по типу дуальноэтнического противостояния – «свой – чужой» с множеством «ландшафтов измены», «серых зон» взаимоперехода и диалектической взаимообусловленности. Антисистемные образования возникают и развиваются внутри системы. Они отличны от нее, но также с ней связаны. Достигают максимума в условиях кризиса и вытесняются на периферию [См. Артюх, Борисов: 12-21].

Как раз на периферии мы не можем оставаться в рамках парадигмы постмодерна, поскольку там не работает тезис об отсутствии противоречия между реальностью и ее символическим воплощением на экране или о поглощении последним реальности. Здесь экран не единственный источник насилия, как то представляется Бодрийяру [Baudrillard, 75-80]. Современные события в Ираке, Ливии и Сирии тому явное подтверждение. В этом пространстве терроризм сугубо политическое явление, поскольку основывается на тотальном разграничении друга и врага. Но ценность трактовок Бодрийяра в том, что он раскрывает сложный характер отношений терроризма и современности через медиа. Для него это отношение сводится к воспроизводству образов или симулякров, которые стали автономными. В большинстве своих работ Ж. Бодрийяр проводит именно такую мысль. Симулякры подменяют собой реальность и реальное насилие также [Бодрийяр: Прозрачность зла, 2006; Бодрийяр: Общество потребления..., 2006; Бодрийяр: Символический обмен и смерть, 2000; Бодрийяр: В тени молчаливого большинства, 2000]. Но если учесть поверхностный смысл терроризма как вторжения иного мира, который определяется как варварский или архаичный, то возникает парадоксальная связь современности и архаики через медиа-технологии. Во многом о том же в отношении партизана

пишет К. Шмитт: «Партизан провоцирует прямо-таки технократический аффект. Парадоксальность его существования раскрывает несоответствие между индустриально-техническим совершенствованием вооружения современной регулярной армии и доиндустриальной аграрной примитивностью успешно борющихся партизан» [Шмитт, 118]. В этом отношении подобно Бодрийяру не стоит исключать архаический смысл терроризма, который проявляет себя, в том числе, и в войне, которая из «оберегаемой» борьбы регулярных сил между государствами в условиях кризиса скатывается к абсолютной вражде – террору. Антисистемный характер террористических образований позволяет соединять в парадоксальном единстве противоречивые части современных технологий и мифологическое осознание мира.

Список литературы References

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000. Bodriyyar ZH. V teni molchalivogo bol'shinstva. Yekaterinburg, 2000.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. Bodriyyar ZH. Simvolicheskiy obmen i smert'. M., 2000.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. Bodriyyar ZH. Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury. M., 2006.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. Bodriyyar ZH. Prozrachnost' zla. M., 2006.
5. Майнхоф У. М. От протеста — к сопротивлению. Из литературного наследия городской партизанки. М.: Гилея, 2004. Maynkhof U. M. Ot protesta — k soprotivleniyu. Iz literaturnogo naslediya gorodskoy partizanki. M.: Gileya, 2004.
6. Никитаев В.В. Терророфания // Философские науки. 2002.№1. — С.136. Nikitayev V.V. Terrorofaniya // Filosofskiye nauki. 2002.№1. — S.136.
7. Нравственные ограничения войны: Проблемы и примеры. М., 2002. Nravstvennyye ogranicheniya voynu: Problemy i primery. M., 2002.
8. Терешенко М. О пользе пытки: могут ли демократические общества оставаться пристойными? // Логос № 1 (80) 2011. — С.120. Tereshchenko M. O pol'ze pytki: mogut li demokraticheskiye obshchestva ostavat'sya pristoinymi? // Logos № 1 (80) 2011. — S.120.
9. Том Вэйг Телемечтатели: Фракция Красной Армии. Гродно, 2004. Tom Veyg Telemechtateli: Fraktsiya Krasnoy Armii. Grodno, 2004.
10. Шмитт К. Номос земли. СПб., 2008. Shmitt K. Nomos zemli. SPb., 2008.
11. Шмитт К. Теория партизана. М., 2007. Shmitt K. Teoriya partizana. M., 2007.
12. Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism. In: Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. Pp. 75-80. // http://www.gumer.info/bogoslov_Buk/Philos/Bodr/zerk_terr.php
Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism. In: Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. Pp. 75-80. // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bodr/zerk_terr.php